

Библиотека Классической Литературы

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

Кролики и удавы
Созвездие Козлотура
Детство Чика

Притча. Повесть. Рассказы

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И86

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы работы
художника *А. Руссо*

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление *А. Саукова*

В оформлении переплета использована репродукция
картины «Крестьянин с быком», 1916 г.
художника Нико Пиросмани (1862–1918)

Искандер, Фазиль Абдулович.

И86 Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика :
Притча. Повесть. Рассказы / Фазиль Искандер. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 640 с.

ISBN 978-5-699-87984-7 (БВЛ)

ISBN 978-5-699-87108-7 (100ГК)

ISBN 978-5-699-87109-4 (ШМК)

Фазиль Искандер — писатель, понятный каждому и любимый всеми, наделенный неповторимым и грандиозным литературным даром и чутким сердцем, воспринимающим даже малую боль и несправедливость. Мудрая и вечная философия жизни, всепобеждающий смех, изысканная лирика — книги Мастера не отпускают, к ним возвращаешься и пленяешься вновь. Все написанное Фазилем Искандером радует и изумляет, завораживает, очаровывает.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87984-7
ISBN 978-5-699-87108-7
ISBN 978-5-699-87109-4

© Искандер Ф.А., 2016
© Вступительная статья.
Наталья Иванова, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Содержание

Фазиль Великолепный
Наталья Иванова

7

Кролики и удавы
Притча
25

Созвездие Козлотура
Повесть
183

Детство Чика
Рассказы
309

Чаепитие и любовь к морю
311

Защита Чика
344

Чик и Пушкин
374

Чик знал, где зарыта собака
411

Чик на охоте
441

Подвиг Чика
489

Чик идет на оплакивание
513

Чик — играющий судья
543

Страшная месть Чика
564

Возмездие
583

Чик чтит обычаи
602

ФАЗИЛЬ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

1

Фазиль Искандер — драгоценный талант, украшающий наше не слишком прекрасное время. В Абхазии Искандера не всегда светит солнце или сияет луна, не всегда ласково волнуется море и всей грудью дышат зеленые горы. Абхазия Искандера — это не только рай, там, бывает, появляются и демоны. И все-таки это дивная, утопическая страна — страна Искандера и его героев.

Искандер прошел свой путь и идет далее удивительно достойно — внутри современной литературы, которую искушали то власть, то рынок. Он настоящий, живой классик. Он скептически и всегда сохраняет дистанцию, при любой «погоде». На самом деле его ограждает от разного рода неприятностей главное — глубокая (и разделенная им) любовь читателей.

Фазиль Искандер родился в Сухуми, в 1929 году. Рано потерял отца, депортированного за пределы СССР. Уехал в Москву, учился в Библиотечном, закончил Литературный институт. Работал корреспондентом газеты, покинув центральную Россию. Начал печататься. Вернулся в Москву — и остался здесь навсегда.

Сказать, что сразу, — так нет; но его быстро заметили (неординарен, необычен во всем!) и полюбили.

Он пережил властителей: Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова; при нем Ельцин сменил Горбачева, а Путин — Ельцина.

И — оставался собой. Всегда.

«Массовая, пластмассовая, одноразовая литература никого не должна смущать, — сказал он при вручении одной из литературных премий, которых у него целая коллекция — от международных до скромно-журнальных. — Даже те, кто ее употребляет, зна-

ют ей цену: прочел и в корзину. Всегдашний и безошибочный признак истинного художественного произведения — это наше желание вернуться к нему».

К Искандеру, к перечитыванию его книг, обаятельных, грустных и веселых, читатель возвращается обязательно.

2

О замысле повести «Созвездие Козлотура», опубликованной в журнале «Новый мир» в августовском номере 1966 года и сделавшей автора знаменитым, Фазиль Искандер рассказывает так: «До этого были скитания по газетам со статьями против кукурузной кампанейщины. Я сам вырос на кукурузе, но я видел, что она не хочет расти в Курской области, где я тогда работал в газете. И я попытался своей статьёй остановить кукурузную кампанию. Статью, правда, не напечатали, но писатель должен ставить перед собой безумные задачи!» С кукурузной кампанией Искандеру справиться не удалось. Но социальный темперамент молодого автора был неудержим: Искандер вскрывал и обнародовал механизм любой кампании, противоречащей здравому смыслу, ибо, как он дальновидно понимал, кукурузой деятельность активных пропагандистов по нововведениям ограничиться не может. В «Созвездии Козлотура» Искандер живописал такую кампанию в подробном развитии: от радужных перспектив (поддержанных одним чрезвычайно высоко поставленным лицом — «интересное начинание, между прочим!») до бурного провала.

Следуя эстетике уходящего времени, в финале драматического по накалу страстей произведения должен был бы забрезжить рассвет, герой — обретать свежие силы, а автор — усиленно намекать читателю на его грядущие победы.

В финале повести Искандера намечается новая кампания.

О вещах печальных и более того — социально постыдных — автор повествовал в манере *крайне жизнерадостной!* Парадоксальный этический закон этой прозы — постараться из неудачи извлечь как можно больше творческой энергии. По принципу «для мест, подлежащих уничтожению», делать единственное, что можно: «стараться их писать как можно лучше».

После появления «Созвездия Козлотура» прозаик был обвинен в «плачевном отсутствии сынолюбия по отношению к отчему краю».

Через двадцать лет он скажет в беседе: «Сатира — это оскорбленная любовь: к людям ли, к родине; может быть, к человечеству в целом».

Но сатира молодого автора производила странное впечатление.

Смех автора был не только и не столько уничтожающим, но и жизнеутверждающим. Смех словно говорил: смотрите, до чего могут дойти люди, бездумно следующие начальственным указаниям. И сколь, напротив, замечательно и удивительно жизнестойка природа, в том числе человеческая, этим указаниям сопротивляющаяся!

В «Созвездии Козлотура» неожиданно звучит и лирическая интонация, окрашенная ностальгией воспоминаний о днях детства, о родовом доме в горном селе. Автор переносится воображением в мир, где царствует подлинная жизнь, торжествует здравый смысл, где слову отвечает дело. «Детство верит, что мир разумен, а все неразумное — это помехи, которые можно устранить, стоит повернуть нужный рычаг». Сказано с грустью. Вера молодого писателя уже поколеблена. Козлотуризация противоречит здравому смыслу, но идет полным ходом.

Многое объединяло Искандера с авторами «иронической» молодежной прозы начала шестидесятых. Отрицали они одно и то же. Противник был общий. Герои-шестидесятники, как правило, пытались вырваться из своей среды, уйти, улететь, уехать из опостылевшего гнезда, гневно рассориться с омещанившими-ся родственниками. Молодой герой-бунтарь того времени гневно сокрушал полированную мебель в родительском доме. Мысль Искандера о крове совсем иная: «Мне не хватает дедушкиного дома с его большим зеленым двором, со старой яблоней (обнимая ее ствол, лезла к вершине могучая виноградная лоза), с зеленым шатром грецкого ореха, под которым, разостлав бычью или турую шкуру, мы валялись в самые жаркие часы».

Время в рассказах Искандера тоже было другим, чем в «молодежной» прозе, где оно как бы совпадало с процессом чтения, действие происходило сейчас, в настоящем, «герой-бунтарь» был близок по возрасту и читателю, и автору. Возраст героев рассказов Искандера иной, и время действия — другое: предвоенные годы, война, после войны. Мир был увиден двойным зрением: глазами ребенка и глазами взрослого, вспоминающего из «сегодня» свое детство.

Переезд Искандера в Москву сыграл в выборе такой оптики решающую роль. Нет, ничего «разоблачающего» городские нравы Искандер не пишет. Интонация рассказов о Москве остается весело-спокойной. Сам облик города, климат, напряженный трафик, вечное беспокойство и суета, определяющие во многом и характер горожан, описаны чрезвычайно корректно, но с явным чувством ностальгии по теплу и солнцу родной Абхазии, шуршанию волны по гальке, духу братства и добрососедства, духу дворику и кофейни. «И уже нет мамы, нет ничего, — так заканчивается «Большой день большого дома», рассказ о семье своей матери, чувстве рода, расцветающей красоте девичьей жизни. — Есть серое московское небо, а за окном, впиваясь в мозги, визжит возле строящегося дома неутомимый движок. И машина моя, как безумный дятел, долбит дерево отечественной словесности...» В мире «серого неба», в атмосфере бесконечной тревоги москвичей по поводу завтрашней погоды (рассказ «Начало») — тревоги, закономерной ставившей абхазца в тупик, ибо не в поле же им завтра выходить, — естественным было внутреннее движение к самому ценному, самому святому времени, к оставленному там, к «раю», то есть к миру детства. Глаза, душа ребенка позволили писателю и сказать горькую правду о времени, и не утратить ощущение красоты жизни. Искандер вернулся в мир детства — «непомерного запаса доверия к миру», отрицая тем самым явное недоверие «неправильного» мира к человеку. Искандер не только «разоблачал» неправильность реальных обстоятельств, а противопоставил им устойчивый мир, утверждая тем самым свое миропонимание.

3

Его «сквозной» герой Чик живет не просто в городе, доме, квартире. Жизнь вынесена во двор, где готовят пищу, пьют кофе, ведут беседы и философские дискуссии, спорят, ссорятся и мирятся, отдыхают. Здесь квохчут куры, сюда залетает ястреб, заезжают лошади, приходят коровы. Своеобразный Ноев ковчег. И побережье, и город Мухус, в названии которого легко прочитывается перевернутый Сухум, — лишь продолжение того же двора. Здесь перемешаны языки — это «котел» языков, малый «вавилончик»: рядом живут абхазцы, русские, грузины, греки, персы, турки. Даже сумасшедший дядя Коля говорит на «затейливом языке из смеси трех языков».

Действие повестей и рассказов о Чике живет и пульсирует в одной точке. «У меня такое впечатление («Долги и страсти»), что все мое детство прошло под странным знаком заколдованного времени, — моя тетушка за все это время никак не могла выскочить из тридцатипятилетнего возраста». Это *волшебное время детства*: один длинный-длинный, непрекращающийся день с короткой южной ночью («Ночь и день Чика»), лишь подчеркивающей по контрасту радость ожидания грядущего дня. Этот день чрезвычайно подробен, богат происшествиями, приключениями, событиями, открытиями. Это — своего рода утопия.

Мухусский двор — неформальная община, неофициальное государство в государстве, вырабатывающее свои законы, свою конституцию. Здесь жизнь собрала изгоев, «бывших», отверженных, отброшенных, не принятых властью или ущемленных ею. Пата Патарая репрессирован. Богатый Портной, день-деньской работающий, вынужден скрывать стук своей швейной машинки. Бедная Портниха еле сводит концы с концами. Алихан, чья история более подробно рассказана в романе «Сандро из Чегема», — бывший коммерсант, потом нэпман, окончательно разоренный. Даша — в прошлом жена офицера, «бывшая» красавица, сумасшедший дядюшка Коля... «Отброшенные» создают маленькую республику, в которой правит справедливость. Здесь никто не обладает полнотой власти, не стремится к диктаторству, все равны. Жизнь во дворе в отличие от жизни за его пределами не приемлет унижения слабого, осмеяния убогого. Сумасшедший дядюшка Чика живет здесь не только в безопасности, но в атмосфере любви и приязни. Даже добродушные шлепки, которые отпускает ему портниха Фаина, в которую он безнадежно влюблен, свидетельствуют более о чуткости, нежели о равнодушии.

Жизнь семьи существует вне замкнутого пространства комнаты, вне четырех стен: она как бы вынесена — через балкончики, распахнутые окна, веранды и галереи — на воздух, на площадку двора. Она открыта всякому взгляду, не отчуждена, не занавешена. Жизнь дворика в Мухусе — народная жизнь, а фиговое дерево, растущее в саду, перевитое виноградом, дерево, на котором, как обнаружил Чик, так славно и удобно сидеть, — становится священным деревом жизни, как бы перевитым судьбами людей, здесь обитающих.

Чик — истинное дитя народа. Он жизнелюбив и стоек, справедлив и совестлив, не приемлет предательства в самых разных и утонченных его проявлениях. Нравственное чувство Чика

развито необычайно. Он, например, ощущает неловкость, если драка несправедлива, не может серьезно драться с мальчишкой, если тот слабее его. Чик готов поделиться всем, что у него есть. Он «никогда не будет чувствовать себя счастливым, пока собак-колов в городе». Он остро реагирует не только на несправедливость, но и на глупость, фальшь. Перипетии жизни Чика и его друзей, разговоры и горячие споры взрослых о пустяках изложены автором подробно. Автор входит в положение каждого, стремится к полноте изображения любой ситуации, как бы комична она ни была. Вот Чик и его дядя «пойманы с поличным»: пасли корову в границах города, а это «не положено».

«— Шпионы ходят по стране, — сказал милиционер.

— Знаю, — согласился Чик.

— В том числе и под видом сумасшедших, — сказал милиционер.

— Знаю, — согласился Чик, потрясенный тем, что милиционер подозревает дядю в том, в чем Чик сам подозревал его когда-то. — Но он настоящий сумасшедший. Его доктор Жданов про-верял.

— Этот номер не пройдет, — сказал милиционер, — я вас всех забираю в милицию. Там все выяснят... Корова не бодается?

— Нет, — сказал Чик, — она мирная.

— Вот и хорошо, — сказал милиционер и отобрал у Чика веревку, за которую была привязана корова. — Я ее поведу.

...Они вошли во двор милиции, и милиционер крепко привязал корову к забору. Там росла густая трава, и корова тут же начала ее есть...»

Смех Искандера естествен, как реакция самой жизни на неестественную формальность официоза. Смех вскрывает и убивает фальшь, глупость и самодовольство тех, кто мнил себя наделенным властью над детьми, блаженными и коровами. Но этот смех лишен назидательности, нравоучительства. Если хотите — плутовской смех, веселый обман лжи, надувательство лицемерия. Он уничтожает, утверждая. Этот смех целителен и спасителен, ибо трагические обстоятельства времени столь сильны, что человека без ободряющего присутствия смеха охватили бы отчаяние и безнадежность. Смех побеждает ложь, предательство, даже смерть. Смех священен и потому побеждает все застывшее, мертвое, догматическое. В смеховом мире Искандера ощущается животворное влияние народного комизма, связанного с изображением тела и всех его забот: приготовления пищи,

ее поглощения, удовольствия, отдыха, купания, обнажения. Героев Искандера словно преследует безмерный аппетит и неутолимая жажда: во дворе бесконечно что-то жарится или варится: тетушка Чика прекращает свое вечное чаепитие, только если оно переходит в кофепитие; в почти райском саду Чика вечно зреют какие-то фрукты (Чика радуется сам круговорот поспевающих ягод и фруктов: земляника, вишня, черника, абрикосы, персик, груша, айва, орехи, хурма, каштаны). Это поедающий, плодящийся, растящий детей, радующийся жизни мир, одушевленный бесстрашным и ясным смехом. Это смех, звучащий почти на краю бездны.

Смех против страха.

На оплакивании покойной подруги тетушки Чика сидящую с ним за столом конопатую девочку так и разбирает смех («Чик идет на оплакивание»). За поминальным столом начинается игра и веселье. И взрослые, пришедшие попрощаться с покойной, тоже втягиваются в совершенно не приличествующую событиям атмосферу застольных баек. Развязываются языки, старики вспоминают любовные приключения покойницы — смех у гроба, сама смеющаяся смерть, забывшая о своих прямых обязанностях... Вспоминают они и небезопасные легенды... Начинается праздник. И вместе с ним торжествует освобождающаяся от страха смерти (да и от страха перед жизнью тридцатых годов) стихия раскрепощенной вольности и народного веселья.

4

«Чтобы овладеть хорошим юмором, — заметил писатель в рассказе «Начало», — надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором». То, что Искандер называет «хорошим юмором», не просто подтрунивание над героем или обнаружение смешных и нелепых черт в той или иной ситуации, не «приправа», добавленная к сюжету. Автор не только смеется над героем, но и бесконечно любит его, любит его им. В самом деле, ну разве не хорош дядя Сандро — и как Великий Тамада, без которого не может состояться ни одно застолье, и как замечательный рыцарь и любовник, без которого не может жить прекрасная княгиня-сванка, и как настоящий друг, перелезающий верхом на лошади через стол, где проигрывается в пух

и прах известный табачник Костя Зархиди? В то же время все эти подвиги и деяния являются лжеподвигами и лжедеяниями; ибо уехавший князь доверил дяде Сандро честь сванки, а проявлять мужество в прыжках над карточным столом — занятие ли это для подлинного героя? При этом надо учесть происхождение комических историй — ведь все они, как утверждает повествователь, рассказаны самим дядей Сандро. Поэтому и героизм, и комизм вступают в сложное соединение, которое можно назвать комической героикой.

Не только сам дядя Сандро, но и его родные и близкие наделены богатырской мощью. Дочери тети Маши, соседки Сандро по Чегему «юные великанши», лежа на козких шкурах, образуют «огнедышащий заслон»: «Если присмотреться к любой из них, то можно было заметить легкое марево, струящееся над ними и особенно заметное в тени». Для того чтобы окончательно подтвердить реальность юных великанш, повествователь отмечает, что «собака их, зимой спавшая под домом, выбирала место для сна прямо под комнатой, где спали девушки. По мнению чегемцев, они настолько прогревали пол, что собака под домом чувствовала тепло, излучаемое могучим кровообращением девиц». Торжествуют цветение, роскошь телесного — будь то могучие юные великанши, или волоокая, по-южному томная, великолепная красавица Даша, чья рука лениво свешивается с балкона, как цветущая гроздь, или сам дядя Сандро с его подчеркнутой физической красотой, или прекрасная княгиня-сванка. Если любимая дочь дяди Сандро, красавица и лучшая на свете низальщица листьев табака Тали рождает, так обязательно двойню. Для Искандера не существует, отдельно «духовности» и отдельно «телесности» — радость здорового чувства, как тяга, возникающая между Багротом и Тали, естественна и потому законна по высшим законам природы, и они не могут ей не подчиниться, несмотря на негодование и запрет родни. А кедр, под которым они провели свою первую ночь, считается теперь в Чегеме священным, способствующим деторождению, плодородности.

«В шутильной форме, — замечает автор, — чегемцы умели обходить все табу языческого домостроя. Я даже думаю, что бог (или другое не менее ответственное лицо), вводя в жизнь чегемцев суровые языческие обычаи, в сущности применял педагогическую хитрость для развития у своих любимцев (чегемцы в этом не сомневаются) чувства юмора». В этом мире нет места унынию, пессимизму, меланхолии. Мир Чегема — мир деятель-

ный, и смех здесь так же сопровождает труд, как труд сопровождает смех.

Смеховое начало в этой прозе органически соединено с лирическим. Это лирическое начало выражено прямо, через лирического героя-повествователя, от лица которого были написаны многие рассказы о детстве. Искандер всегда сопротивлялся роли юмориста-развлекателя, от которого публика вечно требует чего-нибудь веселенького. Легче всего было бы закрепиться в этой роли в сознании читателя, поддаться «социальному заказу» на эдакий среднекавказский анекдот — с набором обязательных хохм, приключений, ситуаций и благополучно ехать на таком коньке до окончания дней своих..

Что может быть, скажем, забавнее, чем анекдотический рассказ про сумасшедшего, но вполне безобидного дядюшку, которого вечно поддразнивает юный племянник? Про дядюшку, любимым лакомством которого является лимонад с двойным сиропом? Распевающего свои песенки без слов, называющего и кошек, и собак одним словом «собака» и радостно кричащим им — «брысь»? Дядюшку, безнадежно влюбленного в самую некрасивую женщину двора? Дядюшку, который восторженно принимал фотографию всем известного лица в газете или памятник ему же в сквере за изображение самого себя? Дядюшку, которого племянник-пионер, отравленный книгами о майоре Пронине, какое-то время считал диверсантом? «Мальчик сумасшедший, — сказал дядюшка, с некоторым оттенком раздражения».

В этот только на самый поверхностный взгляд могущий показаться юмористическим рассказ, при чтении которого, однако, вы не можете удержаться и от смеха, и от размышлений о времени конца 30-х годов, Искандер вложил всю силу лирического чувства. От самых смешных и нелепых ситуаций он резко переходит к судьбе и оценке своего нелепого героя, который оставался человеком — а это, по шкале Искандера, самое ценное и великое.

Смех Искандера не направлен «сверху вниз», от автора или лирического повествования — к герою. Он «работает» на всех уровнях: направлен даже на само авторское «я». Дядя Сандро посмеивается над богатым армянином, который дрожит над своим добром. Но и армянин, несмотря на все свои потери, смеется над важничающим дядей Сандро. Молодой повествователь, познакомившийся с дядей Сандро, прячет в углах губ, усмешку по поводу того, что старик требует новые галоши, дабы не уда-